

эссе

Эдуард Угаров

Дерево Веры Арямновой

Корнями оно уходило в небо. Макушкой касалось лета. Пышное.

Летнее. Дерево.

Хорошо, что во дворе растёт. Хорошо, что из груди питается токами человеческими да разумом из головы моей. Было бы обыкновенным парковым – обрубали бы ему руки – как это модно сейчас. Вот и посмеялся бы заштатный ландшафтный дизайнер над порожде-

Родился (1978) в Тольятти. Окончил юрфак Академии труда и соцотношений. Живёт и работает в Казани. Автор книг стихов «Подворотня», «SOСстояние весомости». Публиковался в сетевых (РФ, Финляндия, США) и печатных изданиях Москвы и регионов. Призёр литературного конкурса журнала «Лексикон» (Чикаго, 2010), лауреат различных литературных фестивалей и конкурсов

нием души человеческой. И плевать ему было бы, что небо корнями уходит в него.

**...Пахло небо тёплым молоком,
и никто под ним не знал печали.
Наверху звенели и стучали –
звёзды прибывали молотком...**

Из молочной почвы по кисельным облачным берегам тянулось древо отдать свою крону нам во исполнение небесного закона. А я – ничего не знающий, сидел себе за компьютером, смотрел в окно и не видел его. А хотел. Смутно различал штрихи. Откуда ж мне было знать тогда, что это ветви его? Откуда ж мне было знать, что смотреть надо не в окно, а в себя? Вчитываться в строки, прорастающие из корневых глин в меня самого.

**Сладко лету в дереве моём
на ветвях берёзовых качаться.
Мы согласно с деревом живём,
как сестра с её зелёным братцем...**

Всматриваться в себя. Вслушиваться. Вчувствоваться в эту гармонию. Шорох листьев совсем близок. Покачивание веток на ветру – невесомо. И пение птиц. В этой широкой и густой кроне – голос пернатых созданий, прозревающих свою жизнь. Поющих о начале дня. Приветствующих солнышко.

**Я скучаю по блестящим пёрышкам,
птичий нрав порою трудно скрыть.
И умею сытою быть зёрнышком...**

Ничего не требующим. Только дай им полететь вволю. Дай кусочек синевы да зелени. И голос будет крепчать в перламутровом утре. Щебетанье накаляться. Слова – отдаваться в сердце каждого прохожего. Звучать музыкой из радиоприёмников и телевизоров. Шуршать колёсами проезжающих машин. Простукиваться вбивающейся строительной сваей неподалёку. Слышаться запоздалым грохотом уже пролетевшего самолёта...

**...Знать, ещё не «попросили»,
рано полнить мёртвых рать.
Мне в России о России
столько надо написать!..**

И отзовётся нечто древнее, живущее во мне с рождения. Голос крови ли? Вера отцов? Выйду на улицу в тёплый ещё августовский день. Подойду к дереву и скажу: «Ну, здравствуй, родное...» Обхватю ствол руками. Прижмусь всем телом и почувствую ток его. Жизнь, спрятанную под толстой рельефной корой. Спрятанную вечность...

**...Чёрным я пишу на белом,
и волнения не унять:
«Бог – в России. Занят – делом.
Спрятан – значит, хранят».**

А потом можно сходить погулять у Фуксовского садика. Спуститься вниз по каменным ступеням. И идти овалами, по серпантину дороги спускаясь к Казанке. И опять меня со всех сторон окружают деревья. Ветви раскинуты по всему небу. Поддерживают его на весу. Листья острая, узкая. Польшаёт зеленью за версту. Некоторые отклеившиеся листочки уже на земле. Пожухли. Смялись. Ветки недовольно корчатся без одёжки. Но ближе к стволам, в кроне, ещё густо, ещё есть откуда вспорхнуть.

**...Ангел нахмурится,
с ветки вспорхнёт –
строит гнездовье.
– Мается вечно этот народ
с глупой любовью...**

Как много часов проведено здесь в вечерних прогулках одичавшей души. В размышлениях обо всём на свете. Томлении по непознанной ещё любви. Беседах с самим собой. За поворотом стоит единственный свидетель тому – кудрявый красавец клён. Раскинулся вширь. Богатырскими взмахами ветвей помогая себе расти высоко вверх. На его коже уже кто-то нацарапал любовные руны.

**...как бы ни обидели его –
хоть ножом на коже вырезали,
дарит тень и свежесть – никого
нет светлее древа моего,
нет добрее древа моего,
и мудрей его найти едва ли.**

Когда-то, ещё в школе, мы сбегали сюда, прогуливая скучные уроки. Дере-

вья, растущие по склону Казанки, казались огромными и непролазными. Тянулись они почти до берега, до старой полузатопленной баржи. Здесь мы играли в войнушку, из сучьев и сухих опавших веток мастера себе автоматы. Пробовали курить. Просто лежали закинув руки за головы, всматриваясь в густоту крон. Здесь было хорошо. Интересно. Причудливо. Пока однажды зимой не подъехал грузовик, и на склон из него не вывалили кучу собачьих скелетов. Результат отлова бесхозных животных. Больше к этому склону мы не спускались.

**Скань раздетых ветвей
на холсте обнажённых небес,
дрожь остывшей земли,
перепаханной, чёрной и голой...**

Уже совсем стемнело. Пройтись вокруг НКЦ, и пора возвращаться домой. У Министерства финансов мужик поливает из шланга клумбы. Заглядываюсь на красивые оранжевые и ярко-алые цветы. Интересно, как они называются? Думаю о том, что, наверное, я хотел бы быть садовником. Прекрасное же дело – растить живую красоту. Заботиться о цветах, ухаживать. Тихо. Размеренно. В гармонии с самим собой...

**Я сажаю примулу в саду,
между пальцев пропускаю землю...
А недавно я была в аду.
И теперь я многое приемлю,
не считая за беду – беду...**

Прохожу мимо Площади Свободы. Смотрю на деревца боярышника у скамеек. В детстве мама собирала нас, дворовых ребятишек, и приводила сюда. Она садилась на скамейку и всматривала наряд милиции, постоянно патрулировавший здесь. А мы в это время забирались на хилые и скрюченные деревушки и срывали ягоды. Сочные и очень вкусные – если спелые. Когда поблизости появлялась милиция, мама предупреждала нас, и мы всей гурьбой сразу же слетались на скамейку, а потом, когда опасность прошагивала мимо, принимались вновь за деревозапанье.

**Минуты счастья прошлого во мне
необратимо, как снежинки, тают.
Как свет колючих мелких звёзд
во мгле,
когда светает...**

Вот я и во дворе дома. А встречает меня всё то же дерево. Могучее. Непредложное – как вечный закон бытия. Соскучилось. Поигрывает листьями на ветерке. Сгребает к себе доброту и любовь, оброненные людьми, и готовится поделиться этим светом со мной. Я приветственно машу ему рукой.

**...Вольно ветру листьями играть,
любю птицам отдыхать в прохладе.
Дерево моё – то брат, то мать,
и о друге с ним скучать не надо...**

Подхожу к нему ближе. И оно шепчет мне:

**Сгорели султаны сирени:
любая краса – на пока...
Но жар твоих стихотворений
дойдёт до сердец сквозь века.
Разрушится крепость строений,
спадёт голубая вода.
Но боль твоих стихотворений,
она, мой родной, навсегда.
Как ропот древесных листочков,
как треск согревающих дров.
Как градус вина – тот, что в бочках –
крепчает и сила стихов.
Ты бос, неуверен, отвергнут,
ты раб – над тобою цари,
но их позабудут, поверь мне.
Ты просто живи и гори!**

Тимур Алдошин и цикл стихотворений «Мама»

Нас пишат – и мы пишем. Блуждаем в потёмках, ворочаемся беспокойно, словно в утробе матери. Скользко, темно, неясно. Наружу хочется. К свету. А не преждевременно ли мы туда вознамерились? Пиши себе о понятных вещах. Взрослей. Матерей. Может, к концу – забрезжит путь.

Встанешь потом на полное своё собрание сочинений, глядишь, и рукой дотянешься пощупать, что там было то, наверху. Что тебе всю жизнь покоя не давало. Что за отголоски ты слышал и записывал как умел. Где там этот чёртов самописец скрывается, что жизнь твою по два целковых за лист строчил и роздыха не знал.

Ты строчил – и о тебе строчили. А ты как думал? Хорошо ли, плохо ли. Графоман над тобой поработал, или гений руку приложил – это и есть судьба. И никуда от неё не деться. За исключением одного особого случая. Взять, и родиться заново.

Уникальная вещь! Страшная. Опасная. Горькая. А может быть, наоборот: Прекрасная! Но именно, для одного человека на миллион вещь, абсолютно необходимая и единственно верная.

К чему это я?

Знаю одного такого человека. Мало того – читал дневниковые записи об этом невероятном событии. Всё там, конечно же, зашифровано, да ещё и в стихах. Но сути это не меняет.

Вот они – роды преждевременные.

**...Для пятидневных нет могил.
Я б тебя, как сына, полюбил.
Ты канализацией ушёл.
Там тебе теперь хорошо...**

Хорошо ли тебе девица? Хорошо ли тебе ясная? Процесс запущен и необратим. Канализацией, батенька, канализацией. А ты как хотел? В белом фраке с гвоздичкой на лацкане – за то, что смелый такой оказался. А вот этого не хочешь?

**...Кресло. Сталь. Кровянка. Тазик.
Обморок.
Встань, иди. Оденься потеплей.
Помолись собаке или облаку
за грядущих Божьих Матерей...**

Очнулся? Протёрли тебе глазёнки? Спала кровавая пелена? Назад не хочется? Знаю, что хочется. Не то ты ожидал увидеть в прозрении своём творческом.

Где фанфары, где литавры? Где великие темы, раскрытые тебе по пунктам? Где пружинящая сила, тол-

кающая на великие свершения? А пуговица перерезана. Всё что было – в прошлом. Теперь только где ползком, где мелкими корявыми шажочками, но только вперёд.

**Я твой сыночек, ты моя третья мама.
«Если нет выхода – иди прямо».**

**Иду прямо в рай твоего чрева,
в нерождённых небо апостолом
по водам...**

**Видишь, снимает плоть,
как платице на ночь, Ева,
возвращаясь ребром в клетку
твою, Адам.**

И теперь ты ползёшь, ковыляешь, бежишь – в чрево другое. Чрево познания. Ничего пока не соображаешь. Ни о чём не думаешь. Но уже что-то замечаешь. Лишь бы дойти. Страшно. Одиноко. Жизнь царапает – бока в кровь обдирает. И холодно и голодно, а ты всё вверх поглядываешь.

**Свет пень пнём стоит городовым
на пути к садам дородовым.
Слишком стал для входа я огромен,
как верблюд, зазубрен и бездомен.**

И вроде, казалось, дошёл уже. Стоишь в предвкушении великих открытий. А таинство сквозь тебя как нож сквозь масло проходит. Бежал, карабкался, полз – всё зря. На месте ты топтался. Ничего тебе нового не открылось.

**Выяснилось: дело не в зарядах,
электроны просто любят ядра.**

**И не гравитация в объётах
держит хороводы звёзд, планет...
Никакого новенького платья
у познания – не было и нет.**

Ведь всё это было. Знакомо. Незначимо. А незначимое и оказалось самой жизнью. Самой её сутью. Неуловимо трепещущей. Обманчивой – для тех, кто так хотел обмануться! Вот же она – жизнь! Лови её – руками, сачком, пером ухватывай. Только это фантом. На кончике пера – ложь изречённая. В голове гудит – бу-бу-бу, размер, что ли? Бежать надо. К классике. К столпам. К основам.

...Слуга почтительно-лукавый
пустил вдоль воздуха крыла
назад, чтоб не схватить руками
пунцовый воздух – так лгала,

так пудрила самозабвенно
кругом всё рисовой мукой
жизнь-госпожа – но розовела
то нежным ухом, то щекой!

Потому что не было никакого пере-
рождения. И быть не могло. Тебя об-
манули. Ты сам себя обманул. Ты умер
вчера, когда уснул, а утром родился.
Твоя мама – день сегодняшний. И несть
им числа. И каждая – родная, любимая,
добрая, хорошая. И ты прижимаешься
к этому дню, как в детстве к мамочке.
Пытаешься обхватить этот день руч-
ночками своими неловкими, смотришь
доверчиво и ясно – и опять понимаешь
– обман!

...Автор погиб с помпой,
пытаясь, в числе других, местный
залить вулкан.

Предположительно,
изображенье Бога.
Материал: пепел, обсидиан.

Се сукин сын. Больше сказать
не в силах,
экскурсовод в спазмах бежит
к ведру...
Город заснул, хлопьями слов
засыпан,
листья страниц корчатся на ветру.

И тогда ты совершаешь свою пер-
вую попытку разоблачения. Прежде
всего себя. А вместе с собой и бытия
этого ненастоящего. Иллюзорного, не-
познаваемого себя – можно ощупать,
можно даже в этом странном простран-
стве определить – но нельзя узнать.
Вперёд, мой друг. Мы отправляемся
обратно.

...Письмецом в почтовый ящик
сыгрануть хотел, как ящер,

но себя назад в конверте
получил нежданно он;
«Изменился адрес смерти», –
поясняет почтальон...

Этого и следовало ожидать. Как же
я раньше не догадался. Невозможно
уничтожить то, чего нет. Что же делать?
Прикинуться китайским болванчиком?
Жить как все? Создавать видимость
нормальности всего происходящего?
Бороться?

...Мужики шарахаться от судьбы
ззорно,
улыбнись навстречу ей,
выйду на перрон:
нежная алхимия не свинец,
но золото
вплавил в единственный
наш с тобой патрон.

Живёшь, якобы. Стараешься, прав-
да, свести своё существование в этом
абсурде к минимуму. А вот именно ког-
да совсем не ждёшь – что приходит?
Любовь... Такая же иллюзия?

...Люби мене, как я тебе,
до гробовой доски,
до фотокарточки в избе,
до холмика тоски.

Я видел Любящих вчера:
они светились, как
сполохом твоего бедра
пересечённый мрак!...

Если это и иллюзия – то самая вели-
кая иллюзия в мире! Чистая – как гор-
ный хрусталь. Шаткая и колеблющаяся
– как досочка кенара. Невозможно в ил-
люзорном мире жить без иллюзии люб-
ви. Или не так: только иллюзия любви
делает этот мир для нас настоящим.
Вот то великое открытие и рождение
сделанное путником!

...Хоть бы ты мне позвонила,
детка, дурочка, душа,
сердце мира ты разбила
грифелем карандаша.

Целы в гранях древа дверцы,
живы буквы, но внутри,
хрустнув, грифельное сердце
пропадает, посмотри...

И тогда приходят слова. Они рожда-
ются сами по себе. Они сами по себе
всё могут. Животворящие строки цели-
тельны даже тогда, когда мы терзаем
себя любовью.

...Полунеструна над вишнёвым адом
глаз твоих, над раем, где и Адам
не успел взгрешнуть –
отравился ядом
от анчаров, мчащихся по садам.

Мчатся по груди янычары текста,
вырывая в ночь на скаку ребром
недоношенных до любви младенцев
не-стихов, звенящих под топором.

И так будет всегда, когда звучит Поэзия. Поэзия будущего. В стихах Тимура оно уже наступило.

Белый день энтомолога с Алексеем Кирилловым

Самый конец июля. Жара. Не такая, конечно, как в том году – но всё же... А у меня холодильник сломался. Чертыхаясь, наливаю в большой цинковый таз воды примерно наполовину и отправляю в него плавать большую кастрюлю с воображаемой снедью. Денег пока нет механизм починить – а тут хоть на день, но сохранность мифических продуктов гарантирована. Голь на выдумки хитра...

Что-то во мне просыпается. Уже напеваётся ещё не вспомнившийся мотив. Подходят строки. Разгибаюсь, и четверостишие вскакивает в моё сознание, как запыхавшийся гражданин на подножку трамвая.

Сегодня умер холодильник

.....
А он стоял все эти годы,
Работал, не жалея сил.
И тем любезен был народу,
Что под героя не косил.

Теперь я знаю, с чем, вернее, с кем выйду в этот день на улицу. С Алексеем Кирилловым.

Совсем недавно я придумал себе увлекательнейшую игру. Каждый день я выхожу на улицу с выбранным мною

поэтом. Классиком или современником – не важно. Важно уловить созвучия его поэзии с этим днём. Я шагаю по городу и строчками, словно сачком бабочек, ловлю силуэты домов, прохожих, автомобилей, небо, деревья, солнце, трещинку на асфальте, капли дождя...

Кстати, взять ли зонт сегодня? Вчера ничего не предвещало – и я насквозь промок. Выручай, Кириллов.

Зонтик.....

.....
...Он однажды может даже
Стать укрытьем от дождя...

Я буду сегодня светлым, чистым и непосредственным, как эти строки. Я выйду в белый день и буду счастливым:

**Выходишь, шикарно одетый,
Сквозь пагубный времени ток.
И пьёшь апельсиново-светлый
Из пачки надорванной сок...**

Мне сегодня нужно добраться почти до речного вокзала. Недалеко от него, по правой стороне, должен располагаться книжный рынок. Самопальный. Надо разведать, когда и как он работает. И находится ли он всё ещё там.

Просто очень хочется кушать, и есть несколько ненужных книг – чем не удачное стечение обстоятельств?

Не люблю транспорт вообще. А городской и общественный тем более. Менее всего подозрительно отношусь к трамваям. Их лязганье и дребезжанье меня успокаивает. В них более просторно. Можно притвориться, что тебя и нет вовсе. Только это на кондуктора почему-то не действует. А так – вполне получается...

Жаворонки ещё не вернулись.

Еле свои сны досыпают.
Надо же, живут среди улиц
Яркие, как небо трамвай!

**Может, их капли умыли,
Или они вымылись сами.
Лаково мерцают из пыли
Алыми своими боками.**

Лучшее, что есть в трамвае – это открытое окно на задней площадке. Просовываешь в него голову в знойный денёк и

начинаешь ловить на себя ветер. И ещё кажется, что ты находишься под гильотиной. Это по-особенному щекочет нервы. Так острее воспринимаются запахи.

Денег только на одну поездку. Туда или обратно – пешком. Решаю, что прокачусь сейчас. Захожу. Задняя площадка свободна. Достая сачок и ловлю строки...

**Летних улиц ветер сладкий
пахнет каменной кладкой
и калёным миндалём.
И подчёркнуты углём
пятна света в переулках
и надбровья улиц гулких.**

Чуть свою остановку не проловил. Выхожу. Иду мимо автовокзала. Большой тольяттинский автобус приветливо поблёскивает. Нет, дружок, не сегодня. Когда-нибудь ты меня ещё прокатишь, не грусти...

Прохожу под железнодорожным мостом. Справа парк. По-моему, книгами торговали чуть дальше. Прохожу ещё два перекрёстка, возвращаюсь. В тени на скамеечке сидят бабушки. Атрибут городской философской невозмутимости.

Спрашиваю. Оказывается, торгуют только по воскресеньям. Прямо в парке. Сегодня четверг. Желудок возмущённо ворчит...

Иду на речной вокзал. Оттуда набережная тянется до самого Кировского моста. Это одно из моих любимых мест. Можно идти вдоль каменных перил и любоваться Волгой. Можно пробираться с другого края дороги – по липовой аллее. Густой. Сочной. Где тебя никто не увидит и никогда не найдёт...

Вот и речной вокзал.

**...И неизменная картина
На протяжении берегов:
Плывёт своим путём путина,
На поплавок, без поплавок
Мальчишки ловят окуньков,
А из затонов тянет тиной...**

И над всей этой красотей – огромное небо. Прямо над головой. Руками можно достать. И я выгребая из сачка...

**Удивительно непорочное
И глазастое,
Небо плакало этой ночью.
Небо, здравствуй...**

По этим местам можно пробродить остаток дня. Присесть на каменную скамью у «Локомотива» и полистать не-реализованный товар. Может, я что-то упустил? Может, в этом шрифте заключены важные для меня вещи?

Купающиеся на пляже – заражены водой. Бросаются в неё, бултыхаются, норовят плавать.

Солнце катится к Кировскому району. Скоро оно коснётся телевышки. И тогда я буду встречать закат над Волгой. Долго ещё после него алые разводы в облаках очень красиво переливаются при ветре. Потом проглянет месяц...

**...Сердце залито водой,
Но ещё тихонько светится.
Над полярною звездой
Святовит плывёт на месяце.**

**С лёгкой удочкой в руках
Над земными берегинями
Ходят карпы в облаках
И зовут его по имени.**

Надо возвращаться домой. Иду по аллее и цепко оглядываю кусты вокруг себя. Когда же я, наконец, найду дипломат с деньгами? Он должен лежать именно на моём пути и конкретно здесь! Ну, может быть, чуть подальше.

Я даже знаю, как он выглядит. Немного потёртый. Со сломанной ручкой. Из дорогой кожи. Чёрный с двумя царапинами слева. Прячущийся в опавшей листве, но выглядывающий из неё для меня. Сколько я уже хожу по этой дороге – а его всё нет.

Размышления прерывает истеричный визг останавливающегося состава. Я прохожу вокзал. Из сачка вспархивает буква «в»...

**В ремя дням накручивает цену,
В няв старинной ноевой привычке,
В сех собрав для следующей сцены,
В темноту швыряет электрички...**

В агон, в окзал – определённо «в» – буква железнодорожная...

Уже у самого моста поперёк дороги стоит машина с включёнными фарами. Любовь прекрасна во всех своих проявлениях. И даже на заднем сидении.

А строчки слетаются на свет и бьются о стекло...

**...Гляди, танцует бабочка фокстрот.
Что испечёт печаль тебе твоя?
Она сама, как время, истечёт,
Саму себя от господ тая.**

Пересекаю железнодорожные пути и выхожу на набережную Казанки. Иду мимо цирка к Кремлю. Скоро я буду дома.

Спасибо тебе, Алексей. День был светлым и добрым, как ты и твоя поэзия.

Мы ведь не прощаемся?

**Давай никогда, никогда не умрём,
Я дам тебе дудочку
 для вдохновенья.
Ты будешь рассказывать
 стихотворенья
И чёрным, и светлым,
 и радужным днём.**

**Давай не расстанемся,
 даже простясь,
Пройдёмся по выстывшим с ночи
 проспектам,
И будет у нас неизвестная секта,
Одна на двоих неразрывная связь.**

Автобус Филиппа Пираева

Еду в другой город. Уезжаю. Бегу от смертей. От неустроенного быта в полуразвалившейся квартире. От затхло-сти и никчёмности каждого нового дня. Убегаю от бывшего себя. Успеть бы на автобус, а там...

**Не протирай окно, не суетись! –
не всё ль равно, куда бежит автобус?
Закрой глаза и выцветшую высь
окрась мечтой, поэту уподобясь...**

Автобус бежит верной дорогой. Единственной. Несёт меня в своём хромированном теле навстречу однотипным

многоэтажкам и изрыгнёт из себя через шесть часов, так и не переварив. Потому что в венах моих сегодня – вместо крови – текут стихи. Такие же солоноватые. Загустевшие. Пронзительно шепчущие о любви к миру, об окружающих меня людях и о той единственной женщине, которая меня непременно спасёт своим добрым и светлым существованием.

Растворится автобус в поэзии Филиппа Пираева. Захлебнётся в волне лиричности и молитвенности слов. Нет, не переварить ему эту музыку. Так пусть он просто катится меж лугов.

**...Давай не знать, что кроется
 во мгле,
за ширмою витиеватых линий.
Не гасло б солнце в лобовом стекле –
и пусть на боковых камлает иней.**

Я прикрываю глаза, откидываю голову на сиденье и вслушиваюсь в мерное гудение двигателя. Соседка слева бешено разговаривает по мобильному телефону. Выясняет у абонента-тетери на живом великорусском языке, почему он до сих пор не чешется по поводу каких-то там продаж.

**...и надо рывком бы да так
 чтоб оглохла заря
да так чтобы молнией в тучах
 копья наконецник
но странная хворь навалилась
 на богатыря
но душит и вяжет дурман
 карачаровских печек...**

Печки – это актуально. Сидение моё располагается прямо под печкой. Чувствую себя нагретым пассажиром, попавшим в автобусный ад. Под-жарка места пониже спины происходит успешно. И я, как дополнительную экзекуцию к основной, принимаю на слух потрескивание сухих поленьев языка очаровательной соседки.

**...молитвою матерной
 шар потешая земной
юзя меж холопским ярмом
 и державно спесью
всей в тундру неверия лагерем
 вмёрзшей страной
кукуем на рынках и стонем
 бурлацкую песню...**

Боговодитель, видимо вняв моим молитвам, включает в салоне телевизор. Переводчик голосом Коклюшкина передаёт мне суть высокоинтеллектуального диалога робота-полицейского с афроамериканцем, подторговывающим наркотой. Начало очень захватывающее. На одно слово – по несколько выстрелов, и в заключение – очень даже красочный взрыв. Синема – гейм овер?

...и словно кино из под пляшущих
смотрим бровей
как даже сценарным лобзанием
не удостоив
толкает знамёна и храмы
пахан соловей
за тридцать гринов и довесок
форматных ковбоев...

Под сладкие трели искорёженного механизма на экране проваливаюсь вместе с передним правым колесом автобуса в колдобину сна. Во сне город меня не отпускает. Я опаздываю на троллейбус, чтобы доехать до автобуса. Город хохочет открывающейся и закрывающейся массивной дверью Оперного театра, а киоск Роспечати тонко ей подхихикивает дребезжащими от ветра стёклами. Вся скопившаяся тоска гранитного Владимира Ильича обрушивается на меня.

Сачком циклона накрытый,
желаний лишён мирских,
весь город лежит корытом
под сточной трубой тоски...

Слава тебе, Господи, просыпаюсь... Медленно, ещё не до конца осознавая где я, открываю глаза и вперяю взгляд на спинку сидения перед собой. Взгляд скользит по сеточке, куда удобно поставить бутылки с питьём. Лениво размышляю, достать ли минералку из пакета, и опять на лесном повороте качаюсь в дрёму. Но уже приятную.

Резкий толчок. Просыпаюсь уже окончательно.

...мигрень пробужденья от грёз
тяжелее похмелья
и горше полыни над верой
вчерашнею смех
оно бы нехило мессиею или емелей
да жаль вифлеемов и щук
не хватает на всех...

Пятиминутная остановка. Можно выйти, покурить. Размять затёкшие члены. Поглазеть на обочину и не досыпанный по краям дороги гравий. Он так сочно переливается под солнечными лучами, что кажется – какой-то автостроительный олигарх рассыпал изумруды.

Вдоль дороги тянутся поля. Дальше лес. Как же хочется из стальной этой коробки вырваться на волю. Брести по полю к лесу и ни о чём не думать.

...До веры – прочитать лесов
апокриф
и пред неопалимой тишиной
склониться в поле, шляпу сняв
и обувь,
до мудрости дослушаться земной...

Все садятся на свои места. Скольжение по асфальту продолжается. В салоне водителя, чуть выше лобового стекла, мерцают электронные ходики. Если им верить – путь наш продолжается около трёх часов. Но верить не хочется. Потому что катится по дороге вся моя жизнь. Хотя, почему её и не уложить в эти три часа?

Ах, время, время!

...Это – время, расплескавшее
по лицам
сеть морщин – дождями вымытых
каналов.
Это – право быть бесправным,
погрузиться
с летом в Лету, в ретро ветра.
Это – «a la prima» жизнь – кокетка в зеркале
мольберта –
светофоров гамму влившая
в этюды.
Над гордыней суд,
немыслимость обета
не мечтать и флейты
лёгкая простуда...

Начинает темнеть. Откидываю занавесочку и вглядываюсь в могучие ели, близко-близко мелькающие перед глазами. Дорога стала совсем узкой, тряской. Мы мчимся по лесу. Небо очень ясное. Почти прозрачное. Совсем вдалеке, почти у горизонта, плывут две пушинки. Такие осязаемо лёгкие. Ещё

мгновение – и они совсем растворятся в воздухе или осыплются вербной и тополиной ватой.

Перевожу взгляд на противоположное окно. С того края небо начинает тлеть и в несколько минут, раздуваемое ветрами, уже вовсю полыхает.

Раскалённый диск, сделав своё дело, медленно уходит под землю.

**Бьёт закат прямой наводкой
по озёрным зеркалам,
тополям и дачным соткам,
прилепившимся к холмам...**

Вот и пригород Зеленограда. Дачи действительно прижимаются к холмам. Но от закатных лучей им не спастись. А наверху у исчезающего солнца небесные дела принимает месяц. Немножко потёртый, кривой, несуразный. Не проснулся ещё. Сонно потягивается. Озирается. Начинает расплываться. Набухать. И вот это уже и не месяц вовсе – а самая настоящая луна.

**Ветер ушёл в ночное.
В паводке тишины,
словно привет от Ноя –
сольный ковчег луны.**

Я смотрю на неё и думаю о любви.

мой. Ведь как они похожи: далёкие и родные...

Я бегу от бывшего себя. Уезжаю от одиночества и тоски. Туда – где умеют любить. Где жертвуют собой ради другого. Где совершенно бескорыстно приходят на помощь. Где верят и чувствуют в тысячи раз тоньше и острее. Где знают, что только доброта и любовь спасёт не только весь мир, но прежде всего – самих себя.

Я уезжаю в завтрашний день, где точно будет всё хорошо.

**На три октавы выше, чем «люблю»,
щедрей костра, чувствительней,
чем нервы,
чтоб жизнь и боль чужую – как свою,
и поцелуй стотысячный –
как первый!**

**Сквозь осень и перроны – без гроша,
за парусом и птицами – стихами!
пыливей, чем бессонная душа,
доверчивей, чем детское дыханье.**

**От красоты пьянее, чем лоза,
по злу – прощеньем;
бури – как удачу.
Скупая на щеке времён слеза...
и на надежду – вечности богаче!**